

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление
Петра Петрова

В коллаже на обложке использована фотография:
Neale Cousland / Hemera / Thinkstock / Gettyimages.ru

Свечин, Николай.
С24 Мертвый остров / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с. — (Детектив Российской
империи).

ISBN 978-5-699-94748-5

Весна 1889 года. После смерти своего учителя Павла Афанасьевича Благово Алексей Лыков отправляется в командировку. В Японии найдены трупы трех беглых русских каторжников, которые по документам по-прежнему числятся заключенными сахалинских тюрем. Есть подозрения, что их побег был организован японской мафией – якудза. Чтобы найти ответы на все вопросы, Лыков отправляется на Сахалин с секретным заданием...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94748-5

© Свечин Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

КОМАНДИРОВКА К ЧЕРТУ НА КУЛИЧКИ

Директор Департамента полиции тайный советник Дурново вызвал к себе коллежского асессора Лыкова. Тот вошел чернее тучи, в глазах — смертная тоска... Застыл посреди кабинета, уставился в пол.

— Садитесь, Алексей Николаевич, — мягко сказал Дурново.

Лыков сел, продолжая смотреть вниз.

— Может, возьмете отпуск? Съездите на месяц куда-нибудь или хоть дома с детьми посидите... Мне кажется, вы сейчас не можете служить.

Лыков настороженно поднял голову.

— Ну, я имел в виду полноценно служить, со всей отдачей... — смешался тайный советник. — Это потом пройдет! Все пройдет... Одним словом, предлагаю вам отдохнуть.

Алексей четыре дня назад похоронил своего учителя, фактически второго отца. Павел Афанасьевич Благово так и не оправился от ранения, полученного два года назад на германских водах. Нескончаемые болезни истощили его организм. Вице-директор Департамента полиции был вынужден уйти со службы. Лишившись жалованья и казенной квартиры, он поселился на Мойке возле Почтамтского моста. У Благово оставались деньги после продажи родового имения, да и

эмеритальные суммы¹ подкрепили его бюджет. Понимая, что долго не протянет, отставник не стал скопидомничать. Уютно мебелировал свои комнаты, курил дорогой табак,пил старые мальвазии. Врачей слушался, но как-то механически. Употреблял лекарства, не манкировал режимом. Про себя он уже давно все решил... Павел Афанасьевич принимал ограниченный круг людей. Алексей с Варенькой опекали старого холостяка. Как могли они скрасили последние месяцы его жизни. И вот уставшая душа отмучилась... Лыков схоронил учителя на Лазаревском кладбище, рядом с могилой адмирала Мордвинова. Несчастье, хоть и давно ожидаемое, надломило коллежского ассессора. Он сильно переживал. Внутри застряла и не хотела выходить ноющая боль. Но Алексей понимал, что долго жить горем нельзя, надо выбираться. Поэтому ответил начальству:

— Петр Николаевич, спасибо за предложение и заботу, но я хочу попросить об обратном. Клин клином вышибают. Нет ли у вас какой лихой командировки, лучше всего к черту на кулички? Чтобы некогда стало скорбью упиваться...

Дурново усмехнулся.

— Как раз такая и есть! Вот, взгляните на это.

И выложил перед собеседником три фотографические карточки.

Лыков взял первую и воскликнул удивленно:

— Это же Большой Сохатый! Кто его так?

На фото было искаженное гримасой лицо мертвого человека. Голова обрита наголо, однако правая сторона макушки загорелая, а левая нет. Так бывает, если подстричь каторжного... На горле покойника виднелся отчетливый разрез.

— А других не узнаете?

¹Эмеритальные суммы — дополнительная пенсия, складывающаяся из шестипроцентных вычетов из жалованья чиновников и доходов по ним. Выплачивалась при выходе в отставку. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

— Ну-ка... Это тоже мой знакомец, Иван Язев по кличке Ваня Прости Господи. Жуткий тип, патологический. Мы его укатали перед коронацией. На каторге должен сидеть, стервец. Горло так же перерезано, чем-то очень острым.

— А третий?

— Третьего не знаю. Ежели по приметам...

Лыков наморщил лоб, вспоминая.

— Левая бровь выше правой... Сильно выступающий козелок уха... Это не Щетинкин?

— Он, — довольно подтвердил директор.

Щетинкин был атаманом шайки налетчиков в Области Войска Донского.

— Вроде бы его в прошлом году тоже поймали?

— Да, все трое, по справке Главного тюремного управления, сидят на Сахалине. Живые и здоровые.

— Хм... А на карточках они не больно живые. Где их сняли?

— Это самое интересное, Алексей Николаевич. Карточки с мертвых сделал наш консул в Нагасаки.

— В Нагасаки? — опешил Лыков. — В Японии?

— Точно так.

— Вот это кульбит! А где? В морге? Не по улицам же валялись там наши головорезы?

— Вы почти в точку. Все три тела нашли на берегу моря. В деле много необычного и даже удивительного. Вот рапорт консула, коллежского советника Костылева, здесь все изложено. Трупы обнаружил его слуга, японец. Он ходил в свою деревню, относил жалованье. Деревня в десяти верстах от Нагасаки. По пути сел передохнуть. На перевернутую лодку... За каким-то чертом слуга заглянул под нее и обнаружил покойников, зашитых в мешковину. Опешил, а когда понял, что русские, побежал к хозяину.

— А как он догадался, что это наши, а не англичане, к примеру?

— По регалкам¹. Слова были ему незнакомы, но буквы слуга узнал. Так вот. Костылев, светлая голова, захватил с собой переносную камеру и снял лица найденных покойников на карточку. После чего отправился со слугой в полицию. Когда они вместе с нарядом вернулись к лодке, жмуриков там уже не было.

— Все интереснее и интереснее! А дальше? Что же предприняла полиция?

— Ничего. У консула возникло впечатление, что японские власти остались очень недовольны находкой. Глухая стенка — никто ничего не говорит. Вместо полагающегося расследования — волокита. Такая, японская, как только они умеют... Если бы не фотографии, косоглазые вообще отрицали бы весь случай. Теперь отрицать нельзя, но можно закрыть дело. За отсутствием улик. Власти так и поступили. Более того, кто-то разбил негативы Костылева. Ночью прокрался в дом и разнес там все в пух и прах. Но остались вот эти отпечатки, по счастью. Власти ведут себя так, будто им наступили на мозоль. Наши дипломаты и без того живут в Японии в полной изоляции, под лупой у тайной полиции. А стало даже хуже. Министерством рекомендовано консулу все забыть, расспросами никого не донимать. Да, еще деталь: слуга, что нашел трупы, тут же уволился. А затем ни с того ни с сего помер.

Лыков нахмурился.

— Эх, меня бы туда!

— Бесплезно. Без содействия властей вы там ничего не делаете. Языка не знаете, а общество очень закрытое. Искать надо с другого конца. Если вообще искать.

— Простите, ваше... Петр Николаевич?²

— Ну, формально это дело до нас не относится. Три беглых каторжника обнаружены на Японских островах. Мертвые. Бе-

¹Регалки — накладки, татуировки.

²Дурново любил, чтобы к нему обращались по имени и отчеству.

жали с Сахалина, но в гостях не прижились. Кто-то чиркнул их ножом по горлу. Что с того? Преступление совершено за пределами империи. Убитые были порядочные негодяи. Да и черт бы с ними!

Дурново замолчал, перебирал бумаги на столе. Потом продолжил раздраженно:

— А с другой стороны? Мы тут ловим-ловим всякую нечисть! Вы и такие, как вы, часто рискуете при этом здоровьем и самой жизнью. Затем суд выносит приговор. Общество облегченно вздыхает. Убийцы и разбойники удалены из него навсегда! А потом вдруг те, кому полагается сидеть в вечной каторге, обнаруживаются в Нагасаки. Как так? Сколько это можно терпеть?

— Ладно бы только в Японии, — подхватил Лыков. — Мне пишет Гриневецкий из Варшавского сыскного. Там объявились братья Зембовичи, которых я арестовал девять лет назад. При этом они пустили мне заряд в ключицу и едва не разнесли голову. Получили двадцать лет каторги с навечным поселением в Сибири, но вдруг обнаружили в Варшаве. Лощеные и при больших деньгах. Я за что кровь проливал?

Полицейские помолчали, затем Дурново продолжил:

— Да, вы правильно меня понимаете. Тем лучше. Я решил не оставлять японской находки без последствий. Очевидно, что существует целый промысел по переброске наших беглых на острова. Что там с ними происходит дальше — другой вопрос. Да и разбираться с этим тамошние власти нам не дадут. А вот сахалинский конец... Он-то у нас в руках!

— Обратите внимание, Петр Николаевич: все трое — «иваны». Двух из них я встречал — калиброванные ребята! Да и Щетинкин — зверь им под стать... Ясно, что бежит самый цвет. Мне еще в Нижнем Новгороде говорили об этом.

— О чем «об этом»? — насторожился Дурново.

— Один знающий человек по фамилии Ратманов однажды обмолвился. Сейчас его уже нет в живых... Тогда, десять лет

назад, он сказал: на запад бежит всякая шушера. Умные люди, знатные уголовные, каким-то образом уходят на восток.

— Каким-то образом... — вздохнул тайный советник. — А у Галкина-Врасского¹ все в порядке! Три покойника, найденные под лодкой в Нагасаки, числятся на Сахалине. Двое сидят в Воеводской тюрьме, один в Рыковской. Алексей Николаевич, объясните мне, как такое возможно? Вы же бывали там изнутри, по делам службы. Как крупные уголовные, известные в лицо и зрителю, и всему караулу, могут сбежать? Так, чтобы вышестоящее начальство об этом не узнало! Как? Не понимаю!

— Эх... До Сахалина одиннадцать тысяч верст. Михаил Николаевич судит о том, что там творится, по отчетам. А их пишут малограмотные писари... Это же край света! Остров, изолированный от всего мира, и на нем шесть тысяч каторжных. Государство!

— Ну и что? Есть начальство. Есть обязанности службы, которые нельзя не выполнять!

— Караул и тюремная стража свое дело кое-как, но делают. Иначе разбежались бы все шесть тысяч. Но решительным людям всегда есть выход.

— Вы хотите сказать, что Большой Сохатый и его приятели... как это у них называется? переменили участь?

— Вряд ли, хотя и не исключено. Но участь проще менять на этапе, в кандалной тюрьме уже опасно.

— Значит, побег?

— Думаю, что побег.

— Но отчеты! Почему по отчетам все трое состоят под надзором? Как можно добраться до Нагасаки и при этом числиться в списках арестантов?

¹Галкин-Врасский М.Н. — в то время начальник Главного тюремного управления.

— Очень даже запросто, — усмехнулся Лыков. — В тюрьме решают «иваны». Как они скажут, так и будет.

— Но есть смотритель, есть утренние и вечерние поверки! Количество арестантов должно же совпадать с ведомостью!

— Смотрителя можно подкупить, или запугать, или иным способом приручить. Пойдут ни с того ни с сего бунт за бунтом. Начальство осерчает, начнет смотрителя со службы выкидывать по третьему пункту¹. Тут явятся к бедолаге серьезные люди с наполовину обритыми головами. И пообещают сделать так, что все станет тихо и благостно. И действительно сделают! Как смотрителю после этого их не любить?

— А отчетность?

— В каторжной отчетности, Петр Николаевич, черт ногу сломит, а вторую вывихнет. Цифры все приблизительные. Смотрителю, кстати, это на руку: он получает лишнее довольствие.

— Но ведь это подсудное дело! Забыть обязанности, совесть позабыть... Что там за люди такие?

— Да такие же, как и везде, — огорчил начальство Лыков. — Служить в их ведомстве очень трудно. Год за годом среди швали... Не каждый и выдержит. На раскомандировку каторжных смотритель выходит в три часа утра. Шесть дней в неделю, год за годом. Видит вокруг только арестантские рожи. Поневолу начинает пить водку ведрами... Тюрьма живет очень закрытой жизнью, мелочной и одновременно кровавой. Могут зарезать любого ни за поноух табака. Большинство каторжных — шпанка, черная кость. Или случайно попавшие в беду люди. Эти бессловесны и беззащитны перед администрацией. Их гоняют в работы, порют, обворовывают, сажают в карцер... Но всегда находятся несколько человек, которых трогать нельзя. Головка каторги, аристократы темного мира. Наказывать их тюремщики не решаются — можно и жизни лишить-

¹То есть без прошения, властью начальства.

ся. Причем сам «иван» всегда останется в стороне, а с ножом бросится какой-нибудь босяк, от которого и ожидать нельзя. А его обыграли в карты и заставили пожертвовать собой! Смотрители и их помощники хорошо это понимают. И заключают с «иванами» договор. Для начальства главное — порядок и тишина, чтобы никто жалоб не подавал. Никто и не подает! Если же такой полезный человек надумает бежать, тюремщикам остается лишь закрыть глаза. Авовь обойдется. В отчете всегда можно подправить. Галкин-Врасский далеко, и он никогда не узнает, что на самом деле творится в какой-нибудь Рыковской тюрьме.

— И как сломать эту гнилую систему?

— Никак. Порядочный человек на Сахалин не поедет, несмотря на всякие там льготы. Поэтому прибывают одни отбросы, которым самим место на наре. Если ты не годен ни на что, поступай в смотрители — возьмут не глядя!

Тайный советник вздохнул:

— Примерно так сказал мне вчера и Михаил Николаевич. Что знает порядки, но ничего поделать не может. Мы говорили с ним о вас.

— Понимаю, — кивнул Алексей. — Вы задумали совместное расследование? Да, это и есть к черту на кулички... Я готов выехать хоть завтра.

— Пароход «Петербург» выходит из Одессы через неделю. Он везет на Сахалин четыреста пятьдесят арестантов. Другой оказии долго не будет.

— До Одессы ехать двое суток. Я вполне успею встретить Пасху! Как будет выглядеть моя ревизия? Как поиск беглецов и соучастников?

— Нет. Официальное расследование толку не даст. Вы проживете там год и ничего не выведаете. Надо по-другому.

Тут Лыков испугался:

— Неужели опять по этапу?

Дурново улыбнулся:

— Ну что вы! Время ваших «демонических» подвигов¹ давно прошло.

— Уф... Так, Петр Николаевич, и кондратий хватит! Как представил себя в армяке с бубновым тузом на спине — сердце в пятки ушло...

Дурново отмахнулся:

— Вас ничем не напугаешь, это общеизвестно. А идея вот в чем. Вы отправитесь на Сахалин для временного замещения должности начальника Корсаковского округа. Таких округов на острове три. Корсаковский — самый южный, он ближе всех к Японии. Если тропа беглых туда и существует, то она обязательно проходит через него. Так вот. Заступив в должность, вы исполняете свои служебные обязанности, как полагается. И одновременно ведете секретное расследование. С полномочиями, какие будут у вас, лучше и не придумать.

— Что такое на Сахалине начальник округа?

— Галкин-Врасский вчера объяснил мне это в подробностях. Сахалин имеет особый режим управления, какого нет больше нигде в империи. Во главе стоит начальник острова. Сейчас это генерал-майор Кононович. Он подчиняется амурскому генерал-губернатору, но у себя на острове царь и бог. Это не преувеличение: начальник острова может даже повесить своей властью. Правда, приговор утверждают на Амуре, но выносят на Сахалине.

— Серьезные полномочия.

— Иначе нельзя. Сами говорили: до Петербурга столько верст! Поэтому начальник острова обладает властью, какая и не снилась губернатору. Далее. Сахалин, как я упомянул, разделен на три округа. Округ соответствует уезду. Окружной начальник приравнен к исправнику. Тот же объем прав и обя-

¹ Дурново имеет в виду предыдущие операции Лыкова, когда ему приходилось внедряться в арестантскую среду (становиться «демонном»).

занностей, что и у начальника уездной полиции. Плюс особые права, вызванные спецификой службы.

— Это какие?

— Вам будут подчиняться все тюрьмы, все чиновники плюс все воинские команды в округе.

— Чиновники независимо от ведомств?

— Да. От смотрителей тюрем до телеграфистов и таможенников.

— Это то, что нужно, — согласился Алексей. — Теперь я понял. То есть вести расследование я буду как высшее должностное лицо в этой местности? И никто не может мне ни в чем отказать?

— Именно так.

— Даже военные?

— И они тоже. На острове располагается 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон. Чуть более полутора тысяч штыков. Его командир находится в столице острова, Александровском посту, и подчиняется Кононовичу. А командир вашей, корсаковской, роты подчиняется своему батальонеру и, по принадлежности, вам. В части несения караульных обязанностей, поимки беглых и прочего.

Поэтому вы, Алексей Николаевич, будете вести расследование, так сказать, сверху. Как главная инстанция. При этом до вас будет относиться вся текущая жизнь округа. Вплоть до телесных наказаний провинившихся! Галкин-Врасский сказывал мне вчера, сколько плетей и розог вы можете дать своей властью. Не помню цифр, но изрядно!

Лыков поморщился, но Дурново не обратил на это внимания и продолжал:

— Вникая, таким образом, в повседневную жизнь каторги, вы невольно станете входить в ее насущные нужды и потребности. Ни у кого не возникнет подозрений. Новый человек, пытается разобраться, во все сует свой нос... Одновременно вы приглядитесь к людям, чтобы отобрать себе помощников.

Одному не справиться. Заведите также агентуру среди арестантов. Не мне вас учить... Помните: вы там сам себе командир и все решения принимаете самостоятельно. Об истинной цели вашего приезда будет знать только Кононович. Больше никто!

Лыков поднялся, сгреб со стола карточки убитых «иванов».

— Разрешите идти готовиться?

— Еще одно обстоятельство. Напомните мне, когда уж вы стали коллежским асессором?

— В мае восемьдесят третьего, после коронации.

— Должность окружного начальника на Сахалине относится к седьмому классу. Неудобно посылать туда в восьмом...

Тут Алексей впервые увидел, как Дурново смеется. Так, наверное, скалятся волки... Но тайный советник быстро посе- рьезнел, тоже встал и вынул из папки лист бумаги.

— Это, Алексей Николаевич, как вы понимаете, шутка. А вот шесть лет вашей службы — это уже серьезно. И какой службы! Она и дала мне право ходатайствовать перед его сиятельством, а тому — перед государем о присвоении вам чина надворного советника. Сегодня его императорское величество утвердили производство. Поздравляю!

Лыков был тронут. Он знал, что министр внутренних дел граф Толстой тяжело болен, дни его сочтены. И скоро на его должность придет новый человек. Но старик нашел время отметить скромного своего подчиненного... Алексей встал во фронт и сказал по-солдатски:

— Рад стараться и охота есть служить!

Он пришел домой серьезный, с блестящими глазами. Варенька увидела это и сразу поняла.

— Когда и куда уезжаешь?

— Сразу после Пасхи. На Сахалин.

Жена так и села на пуфик, взмахнула руками, но тут же снова вскочила: